

начался, по определению стремившегося к объективности сиониста М. С. Агурского, «органический процесс» восстановления национальной государственности — правда, не без замедлений и даже отступлений. Так, — о чем уже шла речь — в пору *коллективизации* половину Политбюро составили «чужаки», хотя в 1928 году их было там всего только двое (из девяти). Наконец, господство «чужаков» сохранялось и в 1930-х годах в «органах безопасности», которые были призваны беспощадно бороться со всяческими «врагами». <...>

В какой стране мы сегодня живем?

Поскольку жизнь складывается из многих различных сторон и аспектов, начало ответа на поставленный в заглавии вопрос может быть существенно разным. Вполне уместно, как представляется, начать следующим образом: мы живем в стране, где идет борьба между «патриотами» и «демократами», — ибо, характеризуя в самом широком, самом общем плане разногласия и противостояния в среде современных политических деятелей и идеологов, их обычно делят именно на «патриотов» и «демократов»; под последними имеют в виду тех, кто стремится «перестроить» Россию по образу и подобию Запада.

Между тем деление это, несмотря на всю его распространенность и как бы неоспоримую очевидность, только запутывает и затемняет общественное сознание. Притом перед нами, к прискорбию, очень давняя российская «беда», поскольку уже более чем полтора столетия назад в сознание людей было внедрено аналогичное поверхностное деление на «славянофилов» и «западников». И для понимания смысла нынешнего противопоставления «демократов» и «патриотов» уместно или даже, пожалуй, необходимо взглянуться в уже давние времена. Ровно сто двадцать лет назад, в июне 1880 года, Достоевский с полной определенностью сказал в своей «Пушкинской речи»: «О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение... Для настоящего русского, — провозгласил Федор Михайлович, — Европа

и ее удел <...> так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли...» И позже пояснил: «...стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно в *основании своем* (курсив Достоевского. — В. К.), но и народно, совпадало вполне с стремлениями самого духа народного...» Достоевский говорил об осуществлении этого «стремления» в эпоху Петра I, но оно осуществлялось, конечно, и гораздо раньше: и при Иване III¹, и еще при Ярославе Мудром, который, например, выдал своих дочерей за королей Франции и Дании. Внук Ярослава, Владимир Мономах², обвенчался с дочерью короля Англии, что было бы, конечно, невозможно без достаточно развитых отношений Руси с Западом.

Как известно, многие считавшиеся «западниками» слушатели речи Достоевского восприняли ее — по крайней мере, поначалу — с полным одобрением и даже восторженно. И в написанном вскоре «объяснительном слове» к своей речи Достоевский призвал к совместной деятельности «тех, — по его словам, — западников... многих, очень многих просвещеннейших из них, русских деятелей и вполне русских людей, несмотря на их теории» (запомним слово «просвещеннейших» — мы еще вернемся к нему).

Ясно, что Достоевский отнюдь не отлучил этих людей от *патриотизма*; по его убеждению, они способны — несмотря на свой «европеизм» — прояснить «самостоятельность и личность русского духа, законность его бытия». Для Достоевского была действительно неприемлема, как он выразился здесь же, «масса-то вашего западничества, середина-то, улица-то, по которой влачится идея — все эти смерды-то направления (а их как песку морского)...»

По мнению этих «смердов» (тут явный намек на образ Смердякова³), констатировал Достоевский, Россию «всю надо пересоздать и переделать, — если уж невозможно и нельзя органически, то по крайней мере механически, то есть попросту заставив ее раз навсегда... усвоить себе гражданское устройство точь-в-точь как в европейских землях».

Забегая вперед, скажу, что именно эту цель ставили перед собой позднейшие последователи «западничества», совершившие Февральский переворот 1917 года и образовавшие Временное правительство, но об этом речь впереди. Теперь же следует обратиться к первому из приведенных мною суждений Достоевского — о том,

что настоящему русскому человеку Европа и ее удел так же дороги, как и Россия, как и «удел своей родной земли».

Позволю себе заметить, что в полемическом запале Федор Михайлович несколько перегнул палку, и вернее было бы, наверное, сказать не «так же дороги», а тоже дороги. Поскольку речь идет о людях России, естественно полагать, что «удел своей родной земли» волнует их все же больше, чем удел других земель, — и даже не в силу «национального эгоизма», а потому, что этот удел в той или иной мере зависит от них самих (кстати, хотя, например, эмигрировавший Михаил Бакунин пытался практически решать судьбы Европы, конечно, его целью была все же судьба России).

Обратимся теперь к словам Достоевского о том, что он готов к единству с «просвещеннейшими» из «западников», с «европеистами» высшего духовного уровня. Эта сторона проблемы чрезвычайно существенна, а между тем мало кто о ней задумывается. Дело в том, что «западники», для которых Европа являла своего рода «идеал», — это люди по меньшей мере «среднего» уровня (Достоевский и говорил о «середине»). Разумеется, то же самое следует сказать и о тех «славянофилах», которые всячески «идеализировали» Россию.

Когда речь идет об имеющих самобытную многовековую историю цивилизациях, несостоятельны, да и примитивны даже, попытки выставить им непротиворечивые, — как любят ныне выражаться: «однозначные» — «оценки», четко определить, какая из них «лучше» и какая «хуже»; тем более несостоятельны и примитивны попытки «переделать» одну из них по образу и подобию другой (о чем также сказал Достоевский).

С этой точки зрения весьма показателен следующий эпизод из истории «западничества». В январе 1847 года один из двух наиболее выдающихся «западников», Герцен, впервые приехал в Европу, и уже в конце года в России были опубликованы его размышления о жизни Запада — во многом резко критические. Они вызвали недоумение или даже прямое возмущение у всех друзей Герцена, кроме одного только Белинского. И в 1848 году Герцен написал этим друзьям: «...вам хочется Францию и Европу в противоположность России так, как христианам хотелось рая — в противоположность земле. Я удивляюсь всем нашим туристам (то есть “западникам”, которые побывали в Европе раньше Герцена. — В. К.) Огареву, Сатину, Боткину⁴, как они могли так многого не видеть... уважение

к личности, гражданское обеспечение, свобода мысли (то есть чрезвычайно высоко ценимые “западниками” качества. — В. К.) — все, что не существует и не существовало во Франции или существовало *на словах* (выделено мною. — В. К.)» и т. д.

Разумеется, и Герцен, и Белинский крайне критически относились ко многому в жизни России, но они — и в этом выразился их духовный уровень — осознавали, что и на Западе, как и в России, есть не только свое добро, но и свое зло, своя истина и своя ложь, своя красота и свое безобразие...

Стоило бы привести целиком письмо Белинского Боткину от 7/19 июля 1847 года из Европы, куда он приехал впервые в жизни. Но письмо пространно, и поэтому ограничусь двумя выдержками из него: «...жду не дождусь, когда ворочусь домой. Что за тупой, за пошлый народ немцы!..» И вторая: «Только здесь я понял ужасное значение слов *пауперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожай и голод местами... но нет бедности... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» и т. д.

Белинский, разумеется, ясно видел российское зло, но сумел увидеть не менее тяжкое зло современного ему Запада. И то же самое было присуще сознанию «славянофилов» высшего уровня, — таких как Иван Киреевский⁵ или Тютчев, хотя они и говорили о российских пороках и грехах в менее резкой форме, чем Герцен и Белинский, а об европейских — решительнее, чем последние.

Но то, что написано Герценом после 1847 года, находится, в сущности, как бы на грани «западничества» и «славянофильства», а о Белинском, который скончался через семь месяцев после поездки в Европу, Аполлон Григорьев писал: «Если бы Белинский прожил еще год, он сделался бы славянофилом. Хотя, на мой взгляд, вернее бы сказать, что Белинский, проживи он дольше, в еще большей степени преодолел бы в себе “западничество” (а не стал “славянофилом”) — нельзя же недооценивать слов, написанных Виссарионом Григорьевичем за полгода до кончины: “Я не знаю Киреевских, но, судя по рассказам Герцена, это... люди благородные и честные; я хорошо знаю лично К. С. Аксакова, это человек, в котором благородство — инстинкт природы”» и т. д. Едва ли бы Белинский написал что-либо подобное ранее...

Никто не будет спорить с тем, что Герцен и Белинский — наиболее выдающиеся люди из тех, кого причисляют к «западникам»; они даже, как говорится, на голову выше остальных. И их превосходство ясно выразилось в том, что они, в сущности, преодолели в себе «западничество».

Точно так же обстоит дело и с наиболее выдающимися людьми, причисляемыми к «славянофилам». Помимо прочего, Иван Киреевский или Тютчев гораздо лучше знали и гораздо глубже понимали истинные ценности Запада, чем абсолютное большинство «западников», и потому есть основания утверждать, что они *ценили* Европу выше, чем «западники»!

В свете всего сказанного естественно сделать вывод, что деление на «западников» и «славянофилов» уместно по отношению к «второстепенным» идеологам XIX века, к той «середине» и «улице», о которых говорил Достоевский. Что же касается тех идеологов, чье наследие сохраняет самую высокую ценность и сегодня, то зачисление их в эти «рубрики» только затрудняет — или вообще делает невозможным — истинное понимание их духовного творчества.

К действительным «западникам» и «славянофилам» следует причислить тех идеологов и деятелей, которые исходили не из истинного понимания Европы и России, а из, по сути дела, субъективистских догм, согласно которым в качестве своего рода «идеалов» представляли либо Запад, либо Русь — именно Русь, поскольку послепетровская Россия, гораздо теснее связанная с Европой, во многом отвергалась догматическими «славянофилами».

Но следует знать, что такой идеолог высшего уровня, как Иван Киреевский, писал о закономерности и «неотменимости» реформ Петра, возводя их истоки еще к середине XVI века.

И утверждал, говоря о «форме» допетровского быта страны: «Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно». А в одном из последних сочинений высказался еще резче, отметив, что если бы ему пришлось хоть «увидеть во сне, что какая-либо из внешних особенностей нашей прежней жизни... вдруг воскресла среди нас и... вмешалась в настоящую жизнь нашу, то это видение... испугало бы меня». Истинный путь России Киреевский видел в развитии присущих ей «высших начал» духовности, которые, по его словам, должны господствовать над «просвещением европейским» (ведь Россия все же — не Европа!), однако

«не вытесняя его (европейское просвещение. — В. К.), но, напротив, обнимая его своею полнотою».

Догматические же «славянофилы» стремились именно «вытеснить» из России все подобное Западу, а «западники» — превратить страну в подобие Европы, что означало, понятно, «вытеснение» основ бытия России.

Но и то, и другое — только догмы, которые не были плодами понимания исторической реальности, а потому и не могли осуществиться.

Как уже сказано, деление на «западников» и «славянофилов» нанесло тяжкий вред общественному сознанию России. Вместо того, чтобы вдумываться в духовное творчество высшего уровня — скажем, творчество Ивана Киреевского и Герцена, которые не столько противостояли, сколько *дополняли* друг друга, — людям как бы предлагалось «выбирать» одно из двух: либо «западничество», либо «славянофильство». В результате из наследия тех же Киреевского и Герцена усваивалось только то, что соответствовало двум противостоявшим догмам.

Преобладающее большинство российской интеллигенции, являвшей собой постоянно возрастающую идеологическую и политическую силу, соблазнилось «западнической» догмой. Она представлялась гораздо более «реалистической», ибо речь шла о преобразовании России в соответствии с действительно существовавшим в Европе общественным строем, между тем как «славянофильская» догма во многом апеллировала к уже несуществующей «исконной» Руси. Кроме того, «западничество» выдвигало на первый план идею (или, вернее, миф) прогресса, которая, начиная с XVII–XVIII веков (ранее считалось, в общем «золотой век» — позади), стала приобретать все более вдохновляющий характер для все более широкого круга людей. Между тем «славянофильство» воспринималось (и, разумеется, вполне основательно) как выражение имеющего негативный смысл в сознании большинства людей консерватизма или даже реакционности.

К началу XX века преобладающая часть идеологически и политически активных людей во всех слоях населения России снизу доверху полагала, что существующий строй должен быть кардинально изменен. Двухсотлетняя послепетровская Империя действительно, как говорится, изжила себя, хотя это, разумеется,

сложнейший и требующий развернутого исследования вопрос, которого я здесь не касаюсь.

Сегодня, как представляется, более важен, более насыщен вопрос о том, как и ради чего совершились перевороты 1917 года.

Основные политические партии, действовавшие на политической арене в том году — кадеты и примыкавшие к ним «прогрессисты», эсеры, меньшевики и большевики, — были (несмотря на все их различия), по сути дела, «западническими». Правда, кадеты и прогрессисты брали за образец Запад как таковой, употребляя традиционное определение «буржуазный», эсеры и меньшевики — западную «социал-демократию», которая, по словам эсера Керенского⁶, уже представляла тогда «могучую патриотическую силу», а большевики, и это парадоксально, возлагали надежды на будущий Запад, в котором-де окрепнут и победят радикально-марксистские партии. Как известно, в начале 1918 года РСДРП(б) была переименована в РКП(б), чтобы напрочь отделиться от «социал-демократии», а в начале 1919-го, после радикальных революций в Германии и Венгрии, был создан Коммунистический Интернационал, в который вошли соответствующие партии многих стран мира.

Но пойдём по порядку. Решающую роль в Февральском перевороте сыграли кадеты и примыкающие к ним прогрессисты, к которым и принадлежали 7 из 10 человек, составивших образованное 2 (15) марта первое новое правительство. В обстоятельном исследовании Н. Г. Думовой⁷ «Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции» (М., 1988) показано, что эта партия «рассчитывала осуществить свою идею “вестернизации” России» (то есть превращения ее в подобие Запада), но что «даже буржуазные историки признают ныне непригодность этой программы для развития России». «В русских условиях западный образец неприменим», — пишет американский историк Т. фон Лауэ⁸... К тому же выводу пришел и английский историк Э. Карр⁹: «Капитализм западного типа... не мог развиваться на русской почве. Тем самым политика Ленина явилась единственно приемлемой для России...» (Указ. изд. С. 134).

Последнее суждение, хотя оно принадлежит действительно серьезному английскому историку, все же весьма неточно. Во-первых, «кадетское» правительство было отрешено от власти уже в начале июля 1917 года, и вовсе не партией Ленина, а эсерами

и меньшевикам во главе с Керенским, который 8 июля стал председателем Совета министров. Большевики к тому времени еще не играли существенной роли в политике; так, возглавленная ими 4 июля антиправительственная демонстрация была быстро разогнана, а сам Ленин вынужден был надолго «уйти в подполье».

Причина указанной неточности историка в том, что ранее и «антисоветская», и, равным образом, «советская» историография, искажая реальность, приписывали весь ход событий после Февральского переворота воле большевиков. Антисоветские историки стремились тем самым обвинить большевиков в срыве того будто бы плодотворного развития России, которое началось с приходом к власти кадетов, а советские — преувеличить роль партии Ленина (ради этого утверждалось даже, будто большевики играли существеннейшую роль уже и в феврале, то есть в свержении монархии, хотя на самом деле их роль тогда была совершенно незначительной).

Во-вторых, нет оснований считать, что политика Ленина явилась «приемлемой для России». В течение пяти лет — до утверждения НЭПа (новой экономической политики), которая, по определению самого Ленина, была «отступлением» от предшествующей большевистской политики, продолжались мощные бунты и восстания; правда, они начались еще при власти Керенского и к октябрю 1917 года охватывали, как точно подсчитано, более 90% российских уездов, а к тому же солдаты Временного правительства нередко отказывались их подавлять.

«Переделка» России по образцам западной *социал-демократии* (как и буржуазной демократии) была заведомо утопическим предприятием, и к октябрю власть Керенского потеряла всякую силу, в результате чего страна погрузилась в хаос — на фоне продолжения военных действий против Германии.

Захватив власть, большевики стали создавать диктаторский режим, в сравнении с которым предшествующее самодержавие было поистине либеральной властью. Одним из важных компонентов этой диктатуры были воинские части из иностранцев: «латышские стрелки», разного рода «интернациональные бригады», в том числе даже китайские, состоявшие из людей, до 1917 года приехавших в Россию на заработки, и т. п.

Разумеется, ничего «хорошего» во всем этом нет, но при том состоянии, в котором страна оказалась за период с февраля по ок-

тябрь, создание крайне жесткого и просто жестокого режима было, без сомнения, единственным способом восстановить государственную власть и по вертикали, и по горизонтали (то есть сохранить, насколько возможно, территорию России).

Я определил кадетскую и меньшевистско-эсеровскую программы перестройки России как чисто утопические; ныне же множество авторов называют *реализованной утопией* СССР, странно не замечая очевидной несерьезности своего тезиса, ибо слово «утопия» обозначает феномен, которого *нет и не может быть* на земле, а ведь СССР в течение нескольких десятилетий являл собой одну из двух великих надежд мира.

Действительно утопической, подобно кадетской и эсеро-меньшевистской, была *первоначальная* большевистская программа, основывавшаяся на том, что в близком будущем свершится мировая или хотя бы общеевропейская пролетарская революция; большевики в массе своей рассматривали себя как «передовой отряд» такой революции, который обретет прочное положение только после ее победы. И «отступление» в форме НЭПа стало неизбежным после осознания утопичности победы мирового пролетариата.

К середине 1920-х годов был утвержден курс на «социализм в одной стране», а к середине 1930-х начался поворот к *патриотизму* (хотя еще не столь давно слово «патриот» означало *врага* революции). Об этих кардинальных изменениях политическо-идеологического курса ныне часто говорится как о выражении личной воли Сталина. Но так думают люди, которые до сего дня не смогли освободиться от «культового» истолкования хода истории и только поменяли знак «плюс» на «минус», осуждая то, что ранее превозносилось.

Кстати сказать, тезис о «социализме в одной стране» первым выдвинул и обосновал вовсе не Сталин, а его будущий противник Бухарин, и эта смена курса, как и позднейшее «воскрешение» патриотизма, были порождены естественным и, в сущности, неизбежным ходом самой истории; после катаклизма революции бытие страны в той или иной мере возвращалось, как говорится, на круги своя. И во второй половине 1930-х годов большевики левацкого толка с полным основанием говорили об определенной «реставрации» в стране дореволюционных порядков.

А в наше время последовательный «антикоммунист» Михаил Назаров¹⁰ пишет об СССР: «Необходимо увидеть в национал-

большевизме — патриотизм, в покорности угнетению — терпеливость и жертвенность, в ханжестве — целомудрие и нравственный консерватизм, в коллективизме — соборность, и даже в просоциалистических симпатиях — стремление к справедливости и антибуржуазность как отказ от преобладания материальных целей в жизни».

Из этого текста ясно, что Михаил Викторович считает советское бытие *извращенной*, искаженной формой дореволюционного российского бытия. Но, во-первых, далеко не все и в том прежнем бытии соответствовало критериям истинного патриотизма, целомудрия, соборности и т. д., а во-вторых, пережитый страной, начиная с февраля 1917 года, революционный катаклизм и не мог не привести к извращениям.

При беспристрастном (не «прокоммунистическом», но и не «антикоммунистическом») осмыслении жизни СССР, который образовался уже во время НЭПа, в конце 1922 года (и был разрушен в конце 1991-го), нельзя не прийти к выводу, что эта жизнь — при всех ее тяжелейших и даже жесточайших противоречиях — являла собой *продолжение* исторической жизни России, и, скажем, великая Победа 1945 года была победой *той же* страны, того же народа, который победил в 1812 году.

О причинах крушения СССР в 1991 году подробно говорится в моем сочинении, главы которого опубликованы в № 5 и № 7 «Нашего современника» за этот год. Здесь же речь пойдет о том «западническом» курсе, которому новая власть так или иначе следовала.

Многие авторы утверждали и утверждают, что в 1991–1992 годах свершился переворот, по сути дела, подобный тому, который имел место в феврале 1917 года. Но это сопоставление безосновательно уже хотя бы потому, что после февральского переворота к власти пришли люди, находившиеся в более или менее радикальной оппозиции к прежней власти; достаточно сообщить, что из 33 человек, побывавших членами Временного правительства с февраля по октябрь, 15 (включая таких известных, как Милюков и Керенский) — то есть более трети — до 1917 года побывали в тюрьмах и ссылках по политическим обвинениям. О большевиках и говорить не приходится: из 29 членов и кандидатов в члены их ЦК, избранного в августе 1917 года, 25 находились до февраля в ссылке или в эмиграции.

Между тем в 1991-м член Политбюро ЦК КПСС был заменен на главном посту недавним кандидатом в члены Политбюро, — пусть и демонстративно объявившим себя беспартийным. В 1993 году правительство РФ состояло из 35 человек, и только один из них (самый молодой — Глазьев¹¹) не был до 1991 года членом КПСС, почти все они занимали до того достаточно высокие, руководящие посты, и никаких действительных «оппозиционеров» среди них не имелось. Эти сведения почерпнуты из обстоятельного справочного издания «Политическая Россия сегодня», вышедшего в свет в 1993 году; новейшие справочники такого рода мне не известны, но есть достаточные основания считать, что и позднее дело обстояло примерно так же.

Многие политические деятели и идеологи — притом самых разных взглядов — полагают, что-де в стране за 1991–1992 годы произошла «революция» (одни ее восхваляют, другие осуждают), однако один только факт сохранения у власти тех людей, которые и ранее принадлежали к правящему слою, делает этот взгляд крайне сомнительным.

Правда, мне могут — и, надо сказать, резонно — возразить, что в «тоталитарном» СССР к 1991 году не было сколько-нибудь развитой оппозиции (каковая имела в России перед 1917 годом), деятели которой могли быть призваны к власти. Однако к тому времени существовала весьма многочисленная *эмиграция*, и, кстати сказать, даже ставился подчас вопрос о «приглашении» ее представителей на высокие посты (например, известного эмигранта Буковского¹² прочили в мэры Москвы). И все же ничего подобного не произошло.

Утверждение «демократии» и «строительство капитализма» в стране возглавили вчерашние коммунистически-советские руководители. Но о многозначительности этого факта нынешние идеологи почти не задумываются. Правда, они — и на том спасибо — часто говорят о неспособности жить по новым правилам многомиллионных «низов», презрительно именуемых «совками». Но, скажем, президент Ельцин¹³ — «совок» не в меньшей степени, чем рядовые граждане РФ. Достаточно вспомнить, как в 1998 (или 1999) году он с глубоким удовлетворением объявил с телеэкрана накануне 1 Мая, что абсолютное большинство граждан вместо участия в оппозиционных демонстрациях отправится на свои садово-огородные участки. Ему явно не приходило в голову, что сам этот феномен миллионов

горожан, вскапывающих лопатами землю под картошку ради выживания — крайне прискорбен и даже чудовищен (отмечу, что ранее преобладающее большинство владельцев этих самых участков выезжало на них главным образом для отдыха на природе и выращивало в основном клубнику и редиску)...

Выращивание картошки имело свое оправдание в военные и послевоенные годы, но о каком «капитализме» может идти речь, когда правитель страны одобряет миллионы людей, занимающихся трудом, *производительность* которого ниже, чем была в средневековой Руси, где люди все-таки пахали — пусть и деревянными сохами, но все-таки с помощью лошадиных сил...

Даже тот «капитализм», который существует сейчас в стране, многие из поборников «рыночной демократии» определяют как в огромной степени «криминальный», «паразитический», то есть занятый перераспределением и проживанием накопленных при советском строе запасов. Это вовсе не капитализм в *западном* значении слова, а, в сущности, легализованная теневая экономика, которая существовала еще и при Сталине и тем более при Брежневе, когда было множество уголовных дел о фактически находившихся в частной собственности предприятиях с так называемой «левой продукцией» — хотя, разумеется, масштабы подобного рода явлений были тогда неизмеримо менее значительными, чем теперь.

«Теневая экономика» в тех или иных формах существует во всем мире, но она отнюдь не принадлежит там к «рыночной демократии». И есть все основания утверждать, что социалистическая экономика, которая так или иначе соблюдала общепринятые правовые нормы, была, так сказать, ближе к капиталистической, нежели очень значительная часть нынешней экономики РФ, тем или иным «деятелям» которой уже не раз запрещали въезд в страны Запада или даже арестовывали в этих странах.

У СССР был очень весомый товарооборот с «капстранами»; так, в 1980-х годах стоимость экспорта выражалась в среднем в 35 млрд долл. Сейчас приводятся подчас более значительные цифры, но при этом умалчивают, что в них входит теперь и экспорт в бывшие «соцстраны», который составлял $\frac{2}{3}$ экспорта СССР. И следует признать в связи с этим, что нынешние безоговорочные утверждения, согласно которым СССР являл собой абсолютно «закрытую» страну, безосновательны.

Нет спору, что существовал *идеологический* «занавес», хотя и становившийся со временем все менее «железным». Но вот многозначительный факт. Когда к концу 1980-х началась «эра гласности», поистине фантастически выросли тиражи различных периодических изданий. Однако в течение 1990-х эти тиражи быстро и прямо-таки катастрофически снизились (так, тираж «Нового мира» упал с 1990 по 1999 год почти в 200 раз!). И произошло это, если вдуматься, не только из-за обеднения или даже обнищания любителей чтения в результате «реформ», но и потому, что сладок, как известно, запретный плод, а когда он становится общедоступным, абсолютное большинство его потребителей утрачивает жадный интерес к нему. «Демократические» СМИ постоянно твердят о том, что страна жаждет «свободы слова», но в действительности имеется в виду весьма малочисленный (в масштабах страны) круг людей.

Теперь я обращаюсь к чрезвычайно важному вопросу. Идеологический «занавес» ликвидирован, но *экономический* «занавес» — и достаточно «железный» — между Россией и Западом отнюдь не исчез. Это можно показать посредством анализа многих сторон жизни РФ, но, как представляется, уместно ограничиться одной — в силу ее колоссального значения. Отмечу, что едва ли не первым на эту сторону обратил внимание Андрей Паршев¹⁴ в своей замечательной книге «Почему Россия не Америка», изданной в конце прошлого года.

Фундаментальная основа современной экономики, ее «кровь» — электроэнергия. Но если в РФ различные ее потребители платят от 28 до 84 копеек за киловатт-час, то есть по нынешнему валютному курсу от 1 до 3 центов США, то в остальном мире киловатт-час стоит от 12 до 15 центов, то есть в среднем почти на порядок дороже (самая высокая цена квт. ч в РФ в 4 раза превышает самую низкую в мире; самая низкая в РФ — в 15 раз ниже самой высокой мировой, а $15 + 4 : 2 = 8,5$)...

Правда, не так давно небезызвестный Чубайс¹⁵ с телеэкрана заявил о намерении повысить цену за квт. ч на 30–40, а затем даже на 50–60%, но для «паритета» с остальным миром нужно повышение на 750%!

Это кардинальное различие цен на электроэнергию создает поистине «железный» экономический «занавес», благодаря которому в РФ только и могут существовать как государственные

и коллективные, так и частновладельческие предприятия (отмечу, что есть и целый ряд других «компонентов» такого «занавеса», но достаточно указать и на один, важнейший из них). Если поднять цену на квт. ч до мировой, то цены на все более или менее энергоемкие товары и услуги станут в РФ в несколько раз выше мировых, что, естественно, приведет к полнейшему краху экономики.

Беспрецедентно низкая цена на электроэнергию была установлена в свое время в СССР (каким образом это было сделано — особый и сложный вопрос). И тот факт, что эта цена в значительной мере сохраняется сегодня, диктует непреложный вывод: экономика РФ живет (или, вернее, существует на грани выживания), если угодно, на *советско-социалистической основе* (повторю еще раз: цена на электроэнергию — это только один, хотя и самый фундаментальный, «пример»).

На этой основе паразитирует российский псевдокапитализм и более-менее выживает преобладающее большинство населения — «бюджетники», колхозники, армия, пенсионеры, насельники детских домов и т. д. — в том числе и сама нынешняя *власть*. И утверждения, будто РФ уже вошла (пусть хотя бы отчасти) в мировую рыночную экономику, не соответствуют реальному положению вещей.

В высшей степени показателен уже упомянутый факт: ярый «рыночник» Чубайс считает возможным повысить цену на электроэнергию всего лишь наполовину, а между тем, поскольку средняя цена квт. ч в РФ 2 цента, а средняя мировая — 13,5 цента, для «интеграции» в мировую экономику цену следует повысить почти в 7 раз!..

В свете вышеизложенного обратимся к поставленной в самом начале этого сочинения проблеме «деления» идеологов на «патриотов» и «демократов». Как уже сказано, оно только запутывает и затемняет общественное сознание. Деление это во многом аналогично рассмотренному выше давнему делению на «славянофилов» и «западников»; в частности, «патриоты» преподносятся в СМИ как «консерваторы» или «реакционеры», стремящиеся восстановить ушедший в прошлое СССР («левый» фланг «патриотов», который не может не быть «антизападным»), либо даже российскую империю («правый» их фланг), а «демократы» — как «прогрессисты», которые, в конечном счете, стремятся повести страну по пути, намеченному «западниками» Февраля 1917 года, но, мол, из-за тогдашних неблагоприятных обстоятельств, быстро прерванному.

Нельзя не сказать, что идеологи, сопоставлявшие Февраль 1917 года с «переворотом» рубежа 1991–1992 годов, с поистине странной наивностью закрывают глаза на коренное различие: Февраль вызвал долгую цепь бунтов и восстаний и полномасштабную гражданскую войну, а в 1990-х ничего подобного не было (за исключением глубоко специфичной ситуации в Чечне). Естественные объяснения этого способного удивить и вызвать недоумение, различия заключаются в сохранении *основ* прежней экономики, о котором шла речь выше и которое со всей ясностью выражается в ценах на электроэнергию, а также и в сохранении основ политического строя. Ярчайшее выражение последнего — разгон Парламента в октябре 1993-го и последующее полное лишение представительной власти *реальных* полномочий, возвратившее ее, по существу, к тому положению, в каковом находился Верховный Совет СССР. То есть действительного переворота — в отличие от 1917-го — не произошло, и именно поэтому не было ни мощных бунтов, ни гражданской войны.

Правда, в нынешней РФ в той или иной степени наличествует свобода слова, но слово это никогда не переходит в дело и к тому же вызывает серьезный интерес у весьма небольшой части населения страны, которая принадлежит к идеологически *активным* «патриотам» и «демократам».

Что касается последних, их стремление делать страну по западному образцу ныне, после семидесятилетней эпохи социализма, более и даже гораздо более утопично, чем в Феврале 1917 года (хотя и тогда из этого ничего не вышло). В высшей степени показательны, в частности, что оказавшиеся у власти «демократы» — те же «совки» по своему «происхождению» (как уже отмечалось), которые, имея крайне поверхностные представления о «рыночной демократии», постоянно прибегали к поучениям и рецептам западных «советников», причем особенно показательны, что часть самих этих советников уже убедилась в тщетности попыток переделать РФ в подобие Запада (так, один из главных советников, Дж. Сакс¹⁶ из США, еще в 1998 году справедливо констатировал, что у «реформируемой» России при ближайшем рассмотрении «оказалась другая анатомия» — другая, понятно, чем в странах Запада и, следовательно, сделать ее подобием последнего никак не возможно).

Словом, деятели, которые уже десять лет находятся у власти и уверяют, что они создают в России рыночную демократию

западного типа, ни в коей мере не создали (да и не могли создать) нечто подобное, и их нельзя именовать «демократами» в истинном значении этого слова.

Говоря об этом, я отнюдь не считаю, что все идеологи, которых причисляют (и которые сами себя причисляют) к «патриотам», исповедуют «правильные» и перспективные взгляды. Во-первых, действительное восстановление СССР и тем более Российской империи, о чем мечтают многие из них, — это, конечно, опять-таки заведомые утопии, — в частности, потому что те идеологические основы, которые во многом определяли поведение людей в России до конца XIX века (с начала XX-го большинство из них «разочаровалось»), а затем — в 1920–1960-х годах — в СССР, воскресить невысказано. Во-вторых, деятельность «патриотов» крайне ослабляется их расколом на «советских» и «имперских». Последние, между прочим, уподобляются тем большевикам, которые до середины 1930-х годов считали неприемлемой и проклятой дореволюционную Россию. Как уже говорилось, единственный перспективный путь — опора на всю историю страны, несмотря на все противоречия, и рождение на этой основе новой патриотической идеологии.

Ага! — скажет читатель. — Ты все же за патриотизм, хотя вроде бы демонстрировал «беспристрастную» оценку «славянофилов» и «западников». Но истинный патриотизм — тот, который исповедовали обладавшие высшим духовным уровнем люди России, — основан на утверждении не «превосходства» своей страны над другими (в частности, странами Запада), а *равноценности* — пусть хотя бы «потенциальной», долженствующей обрести свое воплощение в *будущем* времени — цивилизаций и культур.

Утверждение «превосходства» — это не патриотизм, а национализм, шовинизм, идея своей избранности и т. д., — но ничего подобного нет в наследии Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и других корифеев нашей великой литературы и культуры, которые в то же время — чего никто не сможет опровергнуть — являются собой патриотов.

Тот, кто считает свою страну «второсортной» (скажем, в сравнении с Западом), сам обречен на «второсортность». Это, разумеется, вовсе не означает, что патриотизм сам по себе «возвышает» человека, но без патриотизма нельзя достичь высшего духовного уровня.

И последнее — но далеко не последнее по важности, — о чем я считаю необходимым сказать. Истинный патриотизм — это

любовь и преданность своей стране и в целостности ее истории, и в ее современном состоянии. Между тем ныне к «патриотам» причисляют людей, которым дорога только дореволюционная, монархически-православная Россия (Россию после 1917 года они так или иначе «отрицают»), а с другой стороны — людей, которые дорожат позднейшей, советско-коммунистической Россией.

Если вдуматься, станет ясно, что все эти люди являются патриотами не России, а того или другого общественного строя, и в этом — еще одна причина несостоятельности нынешнего употребления слова «патриот».

Наконец, многие «патриоты» полностью отвергают или даже просто проклинаят сегодняшнюю Россию и ее терпящий свое положение народ. Напомню в связи с этим слова, написанные за несколько лет до 1917 года одним из гениальных русских мыслителей, Василием Розановым: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно тогда, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, — мы не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она, наконец, умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости — тот будет русский, кто будет плакать около этого остова...»

Уместно сказать, что Россия являла собой, в сущности, только «остов» и после монгольского нашествия XIII века, и в Смуту начала века XVII, и после Февраля 1917 года. Но каждый раз находились истинные патриоты — и они, конечно, не только «плакали», — хотя создавались и такие сочинения: «Слово о погибели Русской земли» (1240), «Повесть о разорении Московского государства и всея Российския Земли» (1612), «Слово о погибели земли Русской», написанное Алексеем Ремизовым¹⁷ (сентябрь 1917-го).

И в заключение: три охарактеризованных только что различных типа «патриотов» должны слиться воедино и стать истинными патриотами России, которая только при этом условии воскреснет...

